

В.Р. ШУХАТОВИЧ,
КАНДИДАТ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК (МИНСК)

ПРИЗВАНИЕ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ И КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН: К ВОПРОСУ О ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

С теоретико-методологических позиций анализируется феномен призвания. Охарактеризован генезис представлений о призвании и обоснована актуальность его социологического исследования.

The phenomenon of calling is analyzed from the theoretical and methodological viewpoints. The genesis of the notions of calling is characterized and actuality of its sociological study is given grounds for.

Генезис представлений о призвании

Немецкий мыслитель М. Вебер к категории призвания обращается в работах «Протестантская этика и дух капитализма», «Наука как призвание и профессия», «Политика как призвание и профессия»¹. Его размышления о призвании связаны с поиском духовных оснований человеческой деятельности, а также культурных форм, в которых идеи могут оказывать воздействие на ход исторического развития общества.

Так, в работе «Протестантская этика и дух капитализма» Вебер анализирует концепцию призвания у Лютера. Он замечает, что немецкое слово «Beruf» (профессия, призвание) в его современном смысле впервые появилось в лютеровском переводе Библии и что в этом слове, а также в английском «Calling» наряду с другими звучит религиозный мотив – представление о поставленной Богом задаче². Вебер прослеживает историческую эволюцию этого слова во всех культурных языках мира и приходит к выводу о том, что у народов, тяготеющих к католицизму, отсутствует понятие, аналогичное немецкому «Beruf», тогда как у всех протестантских народов оно существует³. В примечаниях к своей работе он отмечает, что «из древних языков только древнееврейский обладает словами подобного оттенка»⁴.

Хотя, по мнению Вебера, элементы оценки мирской повседневной деятельности, которые содержатся в понятии «Beruf», существовали уже в средние века и даже в древности (в эпоху *позднего* эллинизма), новым благодаря Лютеру явилось не просто значение слова «Beruf», а сама идея, созданная Реформацией⁵. Вебер пишет: «Безусловно новым было, однако, следующее: в этом понятии заключена оценка, согласно которой выполнение долга в рамках мирской профессии рассматривается как наивысшая задача нравственной жизни человека. Неизбежным следствием этого были представление о религиозном значении мирского будничного труда и создание понятия “Beruf” в указанном смысле. Следовательно, в понятии “Beruf” находит выражение тот центральный догмат всех протестантских исповеданий, который отвергает католическое разделение нравственных заветов христианства на “praescripta” (заповеди – лат.) и “consilia” (советы – лат.) – догмат, который единственным средством стать угодным Богу считает не пренебрежение мирской нравственностью с высот монашеской аскезы, а исключительно выполнение мирских обязанностей так, как это определяется для каждого человека его местом в жизни; тем самым эти обязанности становятся для человека его “призванием”»⁶. И далее Вебер акцентирует внимание на идее Лютера о том, что «выполнение мирских обязанностей служит при любых обстоятельствах единственным средством быть угодным Богу, что это – и только это – диктуется божественной волей и что... поэтому все дозволенные профессии равны перед Богом»⁷. Он отмечает, что, «с точки зрения Лютера, монашеский образ жизни не только бессмыслен для оправдания перед Богом, но и являет собой лишь порождение эгоизма и холодного равнодушия, пренебрегающего мирскими обязанностями человека. Мирская же деятельность, напротив, характеризуется им как проявление христианской любви к ближнему...»⁸. Нравственная квалификация мирской профессиональной деятельности, по мнению Вебера, – одна из самых важных идей, созданных Реформацией и, в частности, Лютером⁹.

Теме профессионального призвания посвящена также статья Вебера «Наука как призвание и профессия», которая представляет собой доклад, прочитанный зимой 1918 г. в Мюнхенском университете с целью показать студентам, в чем состоит их призвание как будущих ученых и преподавателей. В центре внимания выступления Вебера, которое вышло за пределы намеченной задачи и превратилось в программную речь, оказались проблема превращения духовной жизни в духовное производство и связанные с этим вопросы разделения труда в сфере духовной деятельности, изменения роли интеллигенции в обществе, наконец, судьбы европейского общества и европейской цивилизации вообще¹⁰. По мнению Вебера, ученый-профессионал, а также преподаватель должен обладать не только серьезными профессиональными знаниями, но и страстью, вдохновением, быть преданным своему делу, иметь желание принести пользу своими знаниями, быть способным воспринимать критику, и без этих качеств невозможно представить достижение высоких научных результатов. Он пишет: «Одним холодным расчетом ничего не достигнешь»¹¹. И далее акцентирует внима-

ние на том, что вдохновение сопутствует достижению высоких результатов не только в научной, но и в практической деятельности. «Коммерсанту или крупному промышленнику без “коммерческой фантазии”, то есть без выдумки – гениальной выдумки, – лучше было бы оставаться приказчиком или техническим чиновником; он никогда не создаст организационных нововведений»¹². Эта мысль Вебера представляется особенно значимой в контексте изучения ценностных диспозиций предпринимательской и инновационной активности.

Отмечая специфические черты научной деятельности, Вебер пишет о том, что она «вплетена в движение прогресса» в том смысле, что, в отличие от никогда не устаревающего совершенного произведения искусства, «всякое совершенное исполнение замысла в науке означает новые “вопросы”, оно по своему существу желает быть превзойденным»¹³.

В заключение Вебер отмечает: «Судьба нашей эпохи с характерной для нее рационализацией, интеллектуализацией и, прежде всего, расколдовыванием мира заключается в том, что высшие благороднейшие ценности ушли из общественной сферы или в потустороннее царство мистической жизни, или в братскую близость непосредственных отношений отдельных индивидов друг к другу»¹⁴. Он призывает всех быть честными интеллектуалами и предлагает «простой» путь: обратиться к своей работе и соответствовать «требованию дня» – как человечески, так и профессионально.

Призвание в политической деятельности Вебер связывает прежде всего с харизмой, т. е. способностью человека (вождя, пророка) заставить поверить в себя других людей¹⁵. Необходимой чертой политического вождя (руководящего государственного деятеля) он полагает исключительную *личную* ответственность за то, что он делает, «ответственность, отклонить которую или сбросить ее с себя он не может и не имеет права»¹⁶. В качестве одной из движущих сил и «харизматическим» элементом вождизма Вебер отмечает труд с верой и личной самоотдачей человеку, а не какой-то абстрактной программе какой-то партии¹⁷.

Размышляя о науке и политике как о профессии и призвании, Вебер отвечает на вопрос о том, какими чертами должен обладать профессионал, чтобы он мог соответствовать смыслу и целям (фактически социальным функциям) избранной им профессии.

Феномен профессионального призвания отражает системное единство личности и общества, «естественную социальность» – свойственную самой природе общества связь человеческой психики (мышления, мотивации) с социальной структурой, прежде всего с системой разделения труда. В рассмотренных работах Вебера эта связь проявляется, во-первых, в нравственной регуляции профессиональной деятельности принципами религиозной этики; во-вторых, в согласованности совместного рассмотрения двух уровней призвания – индивидуального (с точки зрения смысла деятельности человека в рамках своей профессии) и институционального (с позиции роли, социальной функции самой профессии).

Идеи Вебера, касающиеся духовных и культурных оснований профессиональной деятельности, ценности трудовой этики, до сих пор актуальны для изучения различных профессий, но прежде всего тех, которые формируют группу интеллигенции и связаны с интеллектуальным трудом и служением.

К категории профессионального призвания в своей статье «Как возможно общество?» обратился Г. Зиммель. Он писал, что, несмотря на определенные диссонансы, общественная жизнь основывается на предпосылке принципиальной гармонии между индивидом и социальным целым, и если бы «социальная действительность обрела свой вид благодаря этой принципиальной предпосылке, без помех и упущений, то у нас было бы совершенное общество...»¹⁸. Для этого, по мнению автора, человек должен осознать интегрирующую необходимость для жизни целого своей личности, оп-

ределяемой внутренней жизнью личности, а также увидеть возможности своего социального существования и определить свое место в социальной среде. Поскольку этого не происходит, «индивид не обобществлен, а общество не является той непрерывной действительностью взаимодействия, о которой говорит понятие “общество”»¹⁹.

В понятии профессионального призвания Зиммель видел вершину возможности достижения обществом того совершенного состояния, при котором индивидуальность отдельного человека находит место в структуре всеобщности²⁰. Он писал: «При большей разработанности понятия “призвание” оно обнаруживает своеобразную структуру: с одной стороны, общество производит в себе и предлагает некоторое “место”, которое, правда, отличается от других по содержанию и очертаниям, но в принципе может быть заполнено многими и поэтому есть нечто анонимное; с другой стороны, несмотря на его всеобщий характер, индивид занимает это место на основании внутреннего “призвания”, квалификации, воспринимаемой как вполне личная. Любое “профессиональное призвание” нуждается в гармонии (как бы она ни возникала) между строением и жизненным процессом общества и индивидуальными качествами и импульсами. Именно на этой гармонии как общей предпосылке основывается в конечном счете представление о том, что для каждой личности есть в обществе позиция и род деятельности, к которым она “призвана”, и императив: искать их, покуда не найдешь»²¹.

Зиммель определяет призвание как фундаментальную категорию, которая «дает сознанию индивида форму, предназначающую его быть социальным элементом», способным найти для себя такое «место», где «его особость становится необходимым звеном в жизни целого». Данная мысль ученого нам представляется весьма ценной с точки зрения методологии исследования.

Важность обращения к историческим истокам призвания и необходимость преемственности в его изучении отмечает российский социолог С.Ю. Вишневский, осуществивший историко-социологический анализ проблематики призвания в своей докторской диссертации. Анализируя классические работы М. Вебера, Г. Зиммеля, К. Маркса, Э. Дюркгейма, он доказывает, что идеи выдающихся социологов прошлого относительно призвания находят применение в современном, развивающемся обществе²². В частности, раскрывая специфику подхода Дюркгейма к пониманию феномена призвания, Вишневский акцентирует внимание на его идее профессиональной этики и противопоставлении профессионализма дилетантизму. Профессионализм у Дюркгейма рассматривается как важное качество призвания и связывается с доверием и солидарностью, дилетантизм, напротив, – с недоверием и неприязнью²³.

В рамках историко-социологического анализа Вишневский выделяет и других авторов, внесших значимый вклад в изучение проблемы призвания, – Х. Ортегу-и-Гасета, П. Бурдьё, Л.Н. Когана и раскрывает специфические черты их подходов.

Эволюция представлений о призвании находит отражение в языковых практиках, и этот важный аспект необходимо учитывать при проведении интерпретативных процедур в социологическом исследовании. О жизнеспособности самого феномена «призвание» свидетельствует тот факт, что данное понятие входит в словари современных европейских языков.

Так, например, в английском языке *Calling* интерпретируется как сильное желание или ощущение долга заниматься определенным видом деятельности, особенно работой, связанной с помощью людям. Может выступать синонимом *Vocation*, так может называться формальная профессия²⁴. *Vocation* означает ощущение того, что целью жизни является определенный вид деятельности; занятие, которое дает это ощущение, особенно если это позволяет приносить пользу другим людям. В религиозном контексте означает

сильную веру в предназначение от Бога быть священником или членом религиозной школы для обучения римскому католицизму²⁵ (в рамках религиозных общин при монастырях).

В итальянском языке *Vocazione* применяется: 1) в юридической лексике – как «вызов (призыв) наследования» в связи с получением наследником права на наследство или отказом от получения наследства; 2) в религиозной лексике – как религиозное призвание – иметь, чувствовать призвание к священнослужительству, к затворнической жизни; 3) в повседневной лексике рассматривается как «естественная склонность к чему-нибудь: иметь, чувствовать склонность к браку, к музыке, к искусству. Делать что-то по призванию»²⁶.

В современном русском языке понятие *призвание*, согласно словарю М. Фасмера, калькирует немецкое *Beruf* – «призвание, профессия». Там же отмечается, что «немецкое слово первоначально имело религиозный смысл: «призыв Бога людям»²⁷. Необходимо уточнить, что это не калька, а обратный перевод, примерами калькирования являются такие заимствованные из других языков понятия, как «мотив», «стимул», «атитюд» и т. д.

В белорусском языке *прызвание* объясняется как «внутреннее влечение и способность к какому-нибудь делу, профессии»²⁸.

Очевидно, что язык отражает не только модальность значений призвания, выявляет круг понятий, имеющих с ним смысловую связь, но также обнаруживает его междисциплинарный статус. Так, понятие «призвание» в значительной степени является «психологически нагруженным», поскольку связано с индивидуальными особенностями человеческой личности. В данной связи релевантными феномену призвания полагаем такие понятия, как «склонности» и «способности». В психологии *склонность* рассматривается как «избирательная направленность индивида на определенную деятельность, побуждающая его заниматься. Ее основой является глубокая устойчивая потребность индивида в той или иной деятельности, стремление совершенствовать умения и навыки, связанные с данной деятельностью. Возникновение склонности обычно выступает предпосылкой развития соответствующих способностей, хотя возможны случаи несовпадения склонности и способности»²⁹. *Способности* рассматриваются как «индивидуально-психологические особенности личности, являющиеся условием успешного выполнения той или иной продуктивной деятельности», и «обнаруживаются в процессе овладения деятельностью в том, насколько индивид при прочих равных условиях быстро и основательно, легко и прочно осваивает способы ее организации и осуществления. Они тесно связаны с общей направленностью личности, с тем, насколько устойчивы склонности человека к той или иной деятельности»³⁰.

Постановка проблемы

Феномен призвания привлекает к себе внимание широкого круга специалистов. К нему обращаются деятели науки и искусства, представители сферы образования и менеджмента. Это явление отражает духовную связь человека с профессией и ассоциируется с глубокой преданностью избранному делу, высокой ответственностью и самоотдачей, бескорыстием и творческим отношением к труду.

В социологии к феномену призвания традиционно обращаются в связи с изучением проблем профессионального самоопределения. Имеются работы, посвященные рассмотрению призвания как смысла самой профессии, роли интеллигенции в обществе, а также призванию отдельных профессий, партий и даже стран и народов. Однако, несмотря на высокий интерес к данной теме, специалисты отмечают недостаточную научную разработанность проблематики призвания как на теоретическом, так и на эмпирическом уровне.

Российский социолог С.Ю. Вишневский отмечает, что «в методологической разработке проблематики призвания и ее эмпирическом анализе еще много неисследованного, неизученного. Практически нет монографий и

серьезных публикаций, специально посвященных социологическому категориальному анализу призвания. Это расходится с реальной исследовательской социологической практикой, где «призвание» и сходные по смыслу и значению понятия широко распространены»³¹. Автор акцентирует внимание на важности обращения к историческим истокам изучения призвания, поскольку идеи выдающихся социологов прошлого имеют важное значение и находят применение в современном развивающемся обществе, однако отмечает, что применять их без изменений относительно современной ситуации невозможно.

Значимость профессионального призвания как социального явления неоднократно отмечал в своих научных публикациях белорусский социолог С.А. Шавель. Он характеризует профессиональное призвание как «загадочное и сверхценное явление», позволяющее раскрыть феномен профессий. Шавель обращается к феномену призвания в связи с проблемой социального порядка, поиска «естественных», т. е. существующих в самом обществе, возможностей регулирования социальных отношений в рамках целостности³². Ученый рассматривает профессиональное призвание как свободный выбор человека, основанный на способности к антиципации (предвосхищению результата деятельности) и интериоризации той социальной роли, с которой личность согласна себя идентифицировать³³. Обращаясь в данной связи к статье Зиммеля «Как возможно общество?», Шавель отмечает отсутствие в его схеме механизмов конструирования «мест» обществом с учетом индивидуальной предрасположенности, а также выбора индивидом тех или иных видов деятельности (профессий) на основе призвания³⁴. Он объясняет непрописанность этих механизмов отсутствием у Зиммеля категории социальных ожиданий и обосновывает ее эвристичность в качестве теоретической базы эмпирических исследований феномена призвания.

Идея связи индивидуальной мотивации и институциональной структуры находит свое развитие в работах Т. Парсонса и реализуется посредством согласования системы социальных ожиданий, готовности индивида принять определенную социальную роль и занять соответствующую этой роли социальную позицию в пространстве профессиональной стратификации. Решение этой проблемы является наиболее важным научным достижением Парсонса, поскольку может быть использовано в качестве теоретической основы эмпирических исследований феномена призвания.

Так, в работе «Профессии и социальная структура», обобщая роль и место профессий в социальной структуре, Парсонс отмечает, что «профессиональная модель общества – это институциональная структура, в которой поддерживаются многие из наиболее важных социальных функций»³⁵. Для сохранения и развития общества необходимо выполнение четырех фундаментальных системных требований. Парсонс пишет: «Я полагаю, что основные функциональные императивы любой системы действия (и, стало быть, социальной системы) могут быть сведены к четырем, которые я назвал сохранением образца, интеграцией, достижением цели и адаптацией»³⁶. Содержательная сторона названных императивов раскрыта нами в другой работе³⁷. Проследим логику анализа Парсонса. Каждый из императивов закрепляется за отдельной подсистемой, которая и отвечает за его исполнение. Сохранение образца – это сфера культуры, включая образование и воспитание; интеграция – религии и/или идеологии; достижение цели – политики и ее правовых инструментов; адаптация – экономики как совокупности всех отраслей народно-хозяйственного комплекса. Исходя из этого, формулируются ролевые диспозиции, т. е. некоторые представления о том, как должна исполняться та или иная функция и каким требованиям должен соответствовать тот актер, кто будет ее исполнять или «играть роль». Вначале ролевые ожидания надличностны и носят рекомендательный характер – нечто вроде пожеланий и наставлений. Со временем они

конкретизируются и приобретают характер категорических требований. Роль превращается в профессию тогда, когда она легитимируется, наделяется полномочиями, выделяется в особый род деятельности, требующий длительной подготовки, а значит, недоступный любителям, имеющий свой нормативный стандарт и, как правило, самостоятельный этос – моральный стиль поведения и жизни в целом.

Параллельно процессам профессионализации исторически шло и становление социальных институтов, первым из которых была семья. Под институционализацией понимается легализация (узаконивание) и легитимация (признание) социально значимых повседневных практик, схем отношений, правил поведения, норм деятельности, символических систем, направленных на поддержание стабильности и жизнеспособности социума³⁸. В отличие от Г. Спенсера, выделявшего шесть типов институтов по сферам их направленности, у Парсонса четыре типа: реляционные, регулятивные, культурные и интегративные. Реляционные – те, которые задают схемы отношений. Интегративные институты не просто упорядочивают деятельность с точки зрения системных императивов, но и создают механизмы стимулирования и мотивации, а также социального контроля.

Поддержание институциональной структуры основано не только на вере в важность этих функций как таковых, но также и на балансе различных социальных сил. Профессии обеспечивают устойчивость и воспроизводство многих важных институтов общества (образования, здравоохранения и др.). И даже те институты, которые напрямую не связаны с профессиональной деятельностью (семья, собственность, наследство и т. п.), испытывают их влияние. Парсонс акцентирует внимание на проблеме *self-interest* (своекорыстия) в ее связи с *псевдодихотомией* эгоистических и альтруистических мотивов, которые, по его мнению, затмили важность других элементов, особенно таких, как рациональность, функциональная специфика и универсализм. По его мнению, перспективным способом постижения проблем отношений индивидуальной мотивации и институциональных структур является сравнение профессиональной структуры и структуры бизнеса, особенно в связи с проблемой эгоизма и альтруизма. Ученый акцентирует внимание на том, что даже нестабильная связь институциональных структур в сфере занятости, включая профессии, с другими структурно отличающимися паттернами, такими как родство, дружба, знакомство, досуговые хобби, может пролить свет на возможные *strains* (напряжения, деформации)³⁹.

Обратим внимание, что с позиций профессиональной мотивации Парсонс называет псевдодихотомией бинарную оппозицию «эгоизм – альтруизм». Дихотомия, как мы знаем, – строго демаркационное деление целого на два непересекающихся класса. В реальной жизни, конечно, не может быть профессий эгоистических или альтруистических самих по себе, в «чистом виде». Это касается в том числе и бизнеса. Однако есть профессии, которые связаны со служением – духовным, гуманитарным, социальным, и они в большей степени, чем работа с материальными объектами, требуют аффилиативных качеств – эмпатии, альтруизма, внимания к людям и др. В первую очередь это касается медицинских и социальных работников, однако в той или иной мере и всех других.

Ряд современных зарубежных авторов, исследующих проблематику призвания, акцентируют внимание на этических вопросах. Они также обращают внимание на структурные препятствия к осуществлению призвания.

Так, Дж. Густафсон, автор многочисленных работ в области теологической и прикладной этики, полагает, что профессия, которую выбирают вопреки призванию, перестает соответствовать общественной потребности, в соответствии с которой она возникла, т. е. перестает выполнять свою социальную функцию. Он отмечает: «Рассмотрение профессии как призвания выявляет две черты: 1) высокий уровень развития мотивации и 2) более

глубокое видение целей, которым профессия служит»⁴⁰. По мнению ученого, призвание без профессионализации (профессионализма) неуместно, а «у профессии без призвания нет моральных и гуманистических корней, она теряет гуманистическую сущность и ограничивает видение целей, которым она (профессия) служит»⁴¹.

Густафсон полагает, что слово «Calling» (призвание), используемое в своем первоначальном религиозном значении, устаревает и все реже используется даже в рамках духовных институтов и духовной жизни; призвание институционализируется и все меньше и меньше становится «тайным призывом»⁴². Под институционализацией призвания автор, вероятно, понимает механизмы социального контроля, профессиональной социализации и мобильности.

Институционализацию призвания Густафсон в определенной мере связывает с институциональным характером профессий, для которых называет три наиболее важные характеристики. *Первая* – это мастерство, основанное на знании теорий и концепций, и способности применения этого знания в различных обстоятельствах. Он пишет: «Быть профессионалом означает научиться думать определенным образом. Требуется не только мастерство владения информацией, теориями и концепциями, а также способность к размышлению и рефлексии»⁴³. *Второй* важной характеристикой Густафсон полагает институциональный характер профессий, в результате которого профессиональная деятельность подвергается социальному контролю, например, в виде аттестационных процедур (дипломов, сертификатов, государственного лицензирования), контрактов, которые уточняют и определяют услуги и межличностные отношения в профессии⁴⁴. К ним также можно добавить профессиональные права и обязанности. *Третьей* и наиболее важной характеристикой профессий Густафсон считает ориентацию на служение. Он пишет: «Профессии существуют, чтобы удовлетворять человеческие потребности – личностей и общества. Именно поэтому первые изучаемые профессии в нашей культуре были медицина, право, духовенство. Потребности личности и общества не служат интересам профессий и профессионалов, а профессия и ее члены существуют, чтобы удовлетворить потребности других. Профессии развиваются, когда появляется потребность, а не наоборот»⁴⁵.

Автор подчеркивает, что этот третий аспект профессиональности – служение во благо людям и обществу – проявляется при взаимосвязи профессии и призвания. В большей или в меньшей степени это присутствует во всех профессиях, но при выборе ее в сфере права, социальной работы, медицины или духовнослужения черты межличностного взаимодействия выходят на первый план, а эффективность работы в определенной степени зависит от качества взаимоотношений – взаимного доверия и распознавания таких аспектов (черт) пациента или клиента, которые он не полностью раскрывает. Необходимым качеством считается способность к эмпатии, умение представить себя на месте другого, и таким образом ощутить «клиентский» взгляд на обстоятельства. Такие способности развиваются в профессиональных школах посредством усвоения информации, концепций и способов (образов) мышления⁴⁶.

Густафсон обращает внимание на то обстоятельство, что чувство призвания важно как для самого носителя, так и для потребителя услуг. Он также выделяет ряд препятствий к осуществлению призвания, которые, по мнению автора, в большинстве своем являются структурными. Густафсон полагает, что основных препятствий два: узкая специализация внутри профессии и бюрократизация. Что касается профессиональной специализации, то «сложно увидеть общее благо, если ты специалист “по нанесению номера 999 на орех”»⁴⁷, а по поводу бюрократизации полагает, что «развитие профессиональной бюрократии создает и возможности, и проблемы для

профессионального развития»⁴⁸. По мнению Густафсона, специализация сужает профессиональную компетенцию личности, а бюрократизация снижает возможности принятия решения и инициативы профессионалов⁴⁹.

Личный опыт автора, полученный при проведении прикладного социологического исследования «Трудовая мотивация и социальный статус врача», также убедил в необходимости развития теории и методологии изучения призвания и проведения серьезных эмпирических исследований. Так, из-за отсутствия сопоставимых данных оказалось невозможным корректно оценить распространенность этого феномена; значительная часть результатов была проинтерпретирована гипотетически, поскольку оказалась за рамками традиционных схем объяснения.

Наша идея состоит в том, чтобы для исследования феномена призвания применить методологию Ф. Тенниса. Необходимо отметить, что категория «призвание» упоминается им в известной работе «Общность и общество. Основные понятия чистой социологии» и рассматривается в соотношении с общеизвестной типологией «общность» (*Gemeinschaft*) и «общество» (*Ge-sellschaft*)⁵⁰. Мы полагаем, что такая теоретическая конструкция могла бы выступить методологической основой социологического исследования призвания. Релевантность данной идеи мы обосновываем следующими обстоятельствами. Во-первых, типология «общность – общество» рассматривалась Теннисом как универсальная схема социологического анализа социальных феноменов. Во-вторых, нам представляется очевидной смысловая близость, а в ряде случаев и совпадение понятий, эксплицирующих понятие «призвание» у Вебера, и тех, которые раскрывают суть категории «общность» у Тенниса. Например, такие понятия, как дух, достоинство, служение, долженствование, взаимопонимание, упоминаются в работе Тенниса в связи с характеристикой общностных отношений. В-третьих, мы обращаем внимание на совпадение языка, места и времени жизни Вебера, Зиммеля и Тенниса – классиков немецкой социологии, что, по нашему мнению, определяет сущностное родство их методологических подходов. В-четвертых, согласно публикациям исследователей творчества Парсонса, эти мыслители оказали значительное влияние на разработку им теории социального действия, методологические положения которой мы также считаем эвристичными в связи с изучением феномена призвания. В-пятых, мы полагаем, что рассмотрение данного феномена сквозь призму категорий, использованных Теннисом для характеристики различий сущностных форм «общность» и «общество», позволяет значительно расширить наши представления о его роли в развитии современного общества, обеспечении социального согласия и легитимации социального порядка.

Мы рассматриваем призвание как социальный феномен, поскольку, выражаясь языком Тенниса, полагаем его продуктом человеческого мышления, необходимым «для сохранения и поддержания общей сущности», а также социальным фактом, существующим потому, что его «вместе мыслят многие». Позитивное влияние феномена призвания на «социальные связанности» мы объясняем прежде всего его способностью формировать доверие.

Исходным понятием анализа социальной связанности Теннис считает волю, рассматривая ее источником всякого намерения и действия. Он различает *сущностную волю* (*Wesenswille*) человека и *волю избирательную*

⁴⁸ Исследование проводилось в ноябре 2008 г. совместно с Институтом социологии НАН Беларуси и Республиканским комитетом белорусского профсоюза работников здравоохранения. Опрошено 1348 врачей из 44 лечебных учреждений Республики Беларусь различного уровня подчинения и профиля. В выборке пропорционально представлены все регионы страны; 94,6 % опрошенных составили врачи-практики всех специальностей, 56,2 % респондентов отметили призвание в качестве мотива выбора профессии.

⁵⁰ М. Вебер – 1864–1920 гг., Зиммель – 1858–1918 гг., Ф. Теннис – 1855–1936 гг.

(Kurville). Сущностная воля исходит из духа, души, совести, образа мыслей, способа мышления и ощущений, отчасти сформированных учением, отчасти унаследованных от предков и предшественников и оказывающих на него влияние. Для нее характерно единство целей и средств⁵¹. *Сущностная воля* противопоставляется *воле избирательной*, которая определяется как исключительно рациональная и для которой характерно отделение мыслительных форм целей и средств друг от друга, что для Тенниса ассоциируется с неразборчивостью в выборе средств ради достижения цели, подавлением и преодолением своей совестливости⁵².

Теннис полагает, что «чисто эмоциональные (импульсивные), то есть иррациональные, воления и действия, с одной стороны, и чисто рациональные, ориентированные только на средства и часто противоречащие чувствам воления и действия – с другой, – это лишь крайние случаи, между которыми происходят все действительные воления и действия. Выдвинутые нами понятия сущностной воли и избирательной воли воздают должное той мысли, что масса волений и действий расположена ближе или склоняется либо к одному, либо к другому случаю. Я называю их нормальными понятиями (Normalbegriffe) или понятиями, указывающими направление (Richtungsbegriffe); они представляют собой идеальные типы, призванные служить масштабом для познания и описания реальных»⁵³.

Теннис не противопоставляет неразумной воле разумную и акцентирует свое внимание на том, что сущностная воля также обладает разумом, и «более того – он формируется в ней до своего расцвета в качестве творческого и созидательного, искусного воления и деяния, как дух гения, художнического или нравственного», однако «в своих простейших формах сущностная воля есть лишь непосредственное, страстное и одновременно наивное воление и деяние; для избирательной воли, наоборот, чаще всего характерно сознание»⁵⁴. Избирательная воля как идеальный тип у Тенниса ассоциируется с делячеством и механической работой (Machen), а сущностная воля – с творчеством (Schaffen). Теннис отмечает: «Все виды связанности, в которых преобладает сущностная воля, я называю общностью (Gemeinschaft), а все те, которые формируются посредством избирательной воли или существенно ей обусловлены, – обществом (Gesellschaft), причем оба понятия в их сущности и тенденциях суть модальности связанности»⁵⁵.

Таким образом, в рамках методологии Тенниса призвание может быть рассмотрено как одна из сложных форм проявления сущностной воли человека, основанная на осознанном нравственном выборе профессии в соответствии со своей телесной и душевной предрасположенностью, исходящая из потребности принести пользу людям и готовности принять вытекающие из выбранной социальной роли обязанности.

По нашему мнению, феномен профессионального призвания способен формировать особый – «общностный» – тип социальных отношений, причем на разных уровнях институциональной организации:

во-первых, между профессионалами в рамках трудовых коллективов, организаций и профессиональных сообществ;

во-вторых, между представителями институционально связанных ролей, таких как «врач – пациент», «учитель – ученик» и т. п.

В этом случае общностные отношения могут быть близки или к «товарищескому типу», или к «типу господства» (например, отца над ребенком на основе «охранительного отношения»).

Так, «товарищеский тип» общностных отношений между профессионалами возможен в том случае, если отношения основаны на духовном родстве, общих профессиональных интересах, высокой квалификации, преданности профессии, взаимном уважении и доверии; а на уровне институционально связанных ролей – при условии понимания взаимосвязанности и необходимости сотрудничества, взаимной симпатии и взаимном уважении.

Общностные отношения «по типу господства» на основе «охранительного отношения» возможны в профессии – между наставником и учеником; в статусной связанности – «врач – пациент», «учитель – ученик» – на основе эмпатии со стороны профессионала и уважения со стороны ученика, пациента и т. п.

Доверие, сформированное на межличностном уровне, может конвертироваться в институциональное доверие к организации, профессиональному сообществу, социальному институту и общественному порядку в целом. Такое доверие Теннис называет «овеществленным доверием». Мы полагаем, что роль призвания является значительной в формировании овеществленного доверия и в данной связи предлагаем исследовать его влияние на характер социальных отношений.

Таковым, по нашему мнению, может быть механизм формирования доверия социальным институтам, мы рассматриваем это предположение в качестве гипотезы, которая может быть проверена при проведении эмпирических исследований.

Другая наша идея состоит в том, чтобы рассмотреть призвание как проявление самоактуализации личности в рамках теории мотивации А. Маслоу и сформулировать гипотезу о том, что наличие у субъекта признака призвания ассоциируется с наиболее высокими показателями личностного развития и человеческого потенциала (здоровья, мотивации, креативности, социального самочувствия и т. д.). Это предположение базируется на положениях указанной теории и результатах исследования самоактуализирующихся людей.

Так, Маслоу в течение всей своей жизни проводил исследование таких людей⁵⁶ и пришел к выводу о том, что они имеют наиболее высокий уровень психического здоровья. Его внимание к вопросам психического здоровья было обусловлено научной позицией автора, согласно которой современные социогуманитарные исследования в большей степени ориентированы на изучение патологии, в то время как вопросы нормы часто остаются без внимания. По мнению Маслоу, психология превратилась в науку о болезненных и дисфункциональных состояниях, и поэтому существует необходимость в переориентации исследований в направлении психического здоровья. Мы разделяем данную позицию и полагаем, что асимметрия исследовательского интереса и его смещение в сторону негативных явлений в определенной мере характерна и для современной социологии: изучение природы девиаций стало более популярно, чем исследование нормы. Кроме того, складывается практика объяснения нормальных состояний сквозь призму понятий, объясняющих отклонения. В то же время результаты многочисленных исследований показывают, что факторы полярных состояний не всегда совпадают, в частности, это касается таких состояний, как здоровье и нездоровье. Это означает: поиск детерминант развития и деградации необходимо вести параллельно. При этом исследование нормальных (позитивных) состояний представляется нам более сложным процессом в силу многообразия проявлений нормы, ее «социальной естественности», иногда неопределенности и, как следствие, трудной различимости. В то же время именно факторы нормальных состояний (личности и общества) представляют, на наш взгляд, наибольшую исследовательскую ценность и в значительной мере определяют потенциал человеческого и социального развития. Данным обстоятельством мы объясняем актуальность нашей идеи (гипотезы).

Интересен тот факт, что исследование самоактуализирующихся людей, согласно признанию самого Маслоу, не было связано ни с каким социальным заказом, проводилось в частном порядке, в значительной мере мотивировалось любопытством и стремлением разрешить разнообразные личностные, моральные, этические и научные проблемы, а его результаты поразили самого автора⁵⁷.

В качестве «материала» исследования Маслоу выбрал известных общественных деятелей, выдающихся личностей (в том числе исторических – Линкольн, А. Эйнштейн, А. Швейцер и др.), близких знакомых и друзей, а также три тысячи наиболее здоровых студентов колледжей. Один из выводов исследования состоял в том, что «самоактуализация в той ее форме, которую демонстрировали субъекты старшего возраста, вряд ли возможна в современном обществе у молодых людей, только еще вступающих в жизнь».

Методический принцип, в соответствии с которым Маслоу производил отбор субъектов исследования (включение или исключение), имеет двойственную природу – основан на использовании негативных и позитивных критериев: негативным критерием явилось отсутствие патологии (неврозов, психозов и склонностей к ним), позитивным – наличие признака самоактуализации. В самом общем виде самоактуализация для Маслоу означает «полное использование своих талантов и способностей, своего личностного потенциала»⁵⁸. Предполагается, что такие люди полно реализуют себя, уже достигли или находятся в процессе достижения доступных им высот, их способности могут быть уникальными или даже иметь значение для всего человечества. Наличие данного критерия также предполагает удовлетворение (в ряде случаев преодоление) базовых потребностей в безопасности, принадлежности, любви, уважении и самоуважении.

Приведем некоторые из полученных результатов исследования.

Так, в процессе холистического анализа Маслоу выделил такие характеристики самоактуализирующихся людей, как восприятие реальности, принятие, спонтанность, центрирование на проблеме, склонность к уединению, автономия, свежесть восприятия, пиковые переживания, человеческое родство, скромность и уважение к окружающим, межличностные отношения, этика, средства и цели, чувство юмора, креативность, сопротивление приобщению к культурным нормам, несовершенства, ценности и разрешение противоречий⁵⁹.

В ходе исследования Маслоу оказалось, что самоактуализирующиеся люди умели замечать скрытые от других тенденции и закономерности и их прогнозы относительно будущего, основанные на имевшихся в их распоряжении фактах, чаще сбывались. При этом способность верно судить об окружающей действительности распространяется на все изученные сферы жизни: в искусстве и музыке, интеллектуальной сфере, научных вопросах, политике и общественных делах. Иными словами, их восприятие реальности является адекватным. Было также установлено, что «самоактуализирующиеся люди гораздо быстрее и легче других выделяют новое, специфическое и конкретное из общего, абстрактного и схематичного»⁶⁰. Они в целом не боятся неизвестности, с готовностью принимают непознанное, не чувствуя при этом никакого дискомфорта. Самоактуализирующиеся люди, как правило, занимаются интеллектуальной деятельностью, и им свойственна «интеллектуальная мощь».

Маслоу отмечает, что, согласно результатам исследования, самоактуализирующиеся люди способны стоически принять свою человеческую природу со всеми ее недостатками и несовершенствами, не ощущая при этом вины, стыда или беспокойства, а также недостатки других, все изъяны, грехи и слабости, свойственные человеку. Принятие касается не только так называемого «животного уровня», но проявляется также в аспектах, касающихся любви, принадлежности, уважения и самоуважения. Согласно наблюдениям Маслоу, самоактуализирующиеся люди склонны считаться с человеческой природой, не пытаясь ей противоречить. В то же время он отмечает: «Здоровые люди могут ощущать вину (или стыд, тревогу, печаль, сожаление) по следующим поводам: 1) недостатки, которые можно исправить (например, лень, бездумное времяпрепровождение, потеря самообла-

дания, причинение страданий другому человеку); 2) пережитки психического нездоровья (предвзятость, ревность, зависть); 3) достаточно сильные привычки, относительно не связанные с особенностями характера; 4) изъяны культуры или группы, с которыми эти люди себя идентифицируют»⁶¹.

По мнению ученого, и индикаторы, и результаты исследований нуждаются в дальнейшей экспериментальной проверке. В своей работе автор высказывал надежду на то, что когда-либо это станет возможным при проведении масштабных эмпирических исследований.

Маслоу относит потребность в самоактуализации к мотивации высшего порядка – метамотивации и полагает, что она может существовать автономно, вне связи или в слабой связи с потребностями (мотивами) низших порядков, выступая таким образом значимым феноменом духовной жизни человека и общества.

С точки зрения социолога, интерес представляет не столько методика, сколько идеи и результаты исследования Маслоу.

Перспективы дальнейшего исследования призвания мы связываем с расширением круга проблем современного общества, которые могут получить более релевантное объяснение и решение в связи с рассмотрением этого социокультурного феномена. Полагаем, что профессиональное призвание является не только значимым показателем профессиональной дифференциации, но также характеризует общество в целом с позиций социального благополучия, духовного здоровья и устойчивого развития.

Продуктивным нам представляется междисциплинарное сотрудничество социологов с представителями различных областей социогуманитарного знания, в том числе философии, психологии, экономики, культурологии, антропологии, теологии, этики и лингвистики. Полагаем, что весьма интересные результаты могут быть получены на основе применения в социологии идей лексической ономазиологии, в предметное поле которой входит изучение теории и практики порождения и формализации смыслов⁶².

¹ См.: Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 734.

² Там же. С. 96.

³ Там же. С. 96.

⁴ Там же. С. 122.

⁵ Там же. С. 97.

⁶ Там же. С. 97.

⁷ Там же. С. 98.

⁸ Там же. С. 98.

⁹ Там же. С. 98.

¹⁰ Там же. С. 707.

¹¹ Там же. С. 709.

¹² Там же. С. 710.

¹³ Там же. С. 711–712.

¹⁴ Там же. С. 734.

¹⁵ Там же. С. 647.

¹⁶ Там же. С. 666.

¹⁷ Там же. С. 675.

¹⁸ Зиммель Г. Избранное: в 2 т. Т. 2. Созерцание жизни. М., 1996. С. 524.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 525.

²¹ Там же.

²² См.: Вишневский С. Ю. Призвание как социокультурная проблема: историко-социологический анализ: Автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Екатеринбург, 2006. С. 4.

²³ Там же. С. 16.

²⁴ См.: Longman Dictionary of contemporary English. Pearson education limited, Edinburgh Gate, Harlow England; printed in Italy by La Tipografica Varese. 4th ed. 2005. P. 210.

²⁵ Там же. P. 1844.

²⁶ Vocabolario della lingua italiana. Il conciso Istituto della enciclopedia italiana fondata da giovannitreccani. Roma I Edizione: Il Conciso, 1998. P. 1911.

²⁷ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 3 (Муза – Сят). СПб., 1996.

²⁸ См.: Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. 1980. Т. 4. С. 431.

- ²⁹ Психология. Словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М., 1990. С. 364–365.
- ³⁰ Там же. С. 381.
- ³¹ Вишневский С.Ю. Указ. соч. С. 4.
- ³² См.: Социальный порядок и жизнеспособность общества / С.А. Шавель и др. Мн., 2007. С. 178–179.
- ³³ Там же. С. 180–181.
- ³⁴ Там же. С. 178–179.
- ³⁵ Parsons T. Essays in Sociological Theory. New York, 1964. P. 48.
- ³⁶ Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002. С. 565.
- ³⁷ См.: Социальный порядок и жизнеспособность общества. С. 82.
- ³⁸ Там же. С. 80.
- ³⁹ См.: Parsons T. Essays in Sociological Theory. P. 48.
- ⁴⁰ Gustafson J.M. Professions as «Callings» // The Social Service Review. 1982. Vol. 56. № 4. P. 509.
- ⁴¹ Там же. С. 501.
- ⁴² Там же. С. 502–503.
- ⁴³ Там же. С. 506.
- ⁴⁴ Там же. С. 507.
- ⁴⁵ Там же. С. 508.
- ⁴⁶ Там же. С. 509.
- ⁴⁷ Там же. С. 512.
- ⁴⁸ Там же. С. 513.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ См.: Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. М., 2002. С. 207.
- ⁵¹ См.: Теннис Ф. Общность и общество. М., 2007. С. 28.
- ⁵² Там же. С. 29.
- ⁵³ Там же. С. 30.
- ⁵⁴ Там же. С. 31.
- ⁵⁵ Там же. С. 32.
- ⁵⁶ См.: Маслоу А. Мотивация и личность. СПб., 2003. С. 186.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Там же. С. 187.
- ⁵⁹ Там же. С. 189–190.
- ⁶⁰ Там же. С. 190–191.
- ⁶¹ Там же. С. 192–193.
- ⁶² См.: Шаблю́скі А.І. Лексічная анамасыялогія: прадмет, метады, асноўныя паняцці // Бел. лінгвістыка. Мн., 2006. Вып. 57. С. 3–11.

Поступила в редакцию 27.09.09.